

ИВАН ГРОЗНЫЙ – КАНДИДАТ ПОЛЬСКОЙ ШЛЯХТЫ

© 2020 г. Б.Н. Флоря

*Чл.-корр. РАН, заведующий отделом Института славяноведения РАН**zhurslav@mail.ru*

В статье устанавливаются причины, почему шляхта Польского королевства, несмотря на ряд сложностей в ее отношении к Ивану IV, упорно поддерживала его кандидатуру на польский трон во время «бескоролевья» 1574–1575 гг. Используются важные для рассмотрения темы донесения папского нунция В. Лаурео.

The article investigates the reasons why the szlachta of the Kingdom of Poland despite a number of grave complications in their relations with Ivan IV persistently supported his candidature to the Polish throne during the interregnum of 1574–1575. For this purpose, dispatches of the apostolic nuncio Vincenzo Laureo – important for the problem in question – are used.

Ключевые слова: Иван IV, польская шляхта и магнаты, выборы на трон.

Keywords: Ivan IV, Polish szlachta and magnates, royal elections

DOI: 10.31857/S0869544X0010409-2

Уже исследователи второй половины XIX в., рассматривая разнообразные источники о бурной политической жизни Польско-Литовского государства в 70-е годы XVI в., могли отметить появление Ивана IV среди кандидатов на польский трон, выдвинутых после пресечения династии Ягеллонов. Эта кандидатура в 1572 г. стала предметом обсуждения в разных политических кругах с участием политиков разных ориентаций. Обсуждалась она и в обильной, появившейся в годы первого «бескоролевья», публицистике. Дело дошло до публичного оглашения перед выборами условий, которые Иван IV предлагал посланцу литовских магнатов М. Гарабурде. Когда вскоре затем, в 1574 г., дело дошло до начала нового «бескоролевья», «московит» стал одним из главных кандидатов на польский трон.

Эти события политической жизни Речи Посполитой и русско-польских отношений были подвергнуты специальному исследованию в моей книге [1]. Вопрос о русской кандидатуре в период первого «бескоролевья» был рассмотрен там достаточно полно и всесторонне. Что же касается до кандидатуры Ивана IV в эпоху второго «бескоролевья», то этот эпизод в политической жизни Речи Посполитой заслуживает, как представляется, дополнительного изучения. Правда, можно считать, что достаточно хорошо изучены политика Ивана IV, враждебная

«московской» кандидатуре позиция магнатов Великого княжества Литовского, история поисков сторонниками «московского» кандидата контактов с Иваном IV, но, думается, что специальное рассмотрение вопроса об отношении польской шляхты к кандидатуре русского монарха может дать интересный материал для изучения как особенностей общественного сознания шляхты Польского королевства, так и ранней истории русско-польских контактов.

Правда, изучение темы сталкивается с некоторыми источниковедческими трудностями, так как она слабо затронута в главном историческом труде, содержащем развернутое описание событий второго «бескоролья» — историческом труде С. Ожельского — наиболее подробном повествовании о событиях тех лет. Автор, несомненно, обладал богатой информацией о настроениях и представлениях шляхты того лагеря, который во время второго «бескоролья» выдвигал и поддерживал кандидатуру Ивана IV. Великопольский шляхтич-протестант С. Ожельский, к тому же, играл в деятельности этого лагеря видную роль. Однако труд Ожельского писался в то время, когда на польском троне успешно утвердился Стефан Баторий и начиналась большая война с Россией. В этих условиях у хрониста не было мотивации привлекать внимание читателей к «московскому» аспекту событий. Правда, в нескольких местах своего труда (о них еще будет речь ниже) хронист говорит об особом внимании шляхты к московскому кандидату, но упоминания эти кратки и в них, что важно отметить, ничего не говорится о причинах такого интереса. Интересующая тема появляется в его повествовании лишь в рассказе о съезде в Стенжице в июне 1575 г. [2. Т. II. S. 106—107].

Иную картину рисуют донесения в Рим папского нунция В. Лаурео. Здесь следует учитывать, что дипломат стремился дать папской курии возможно более точное представление о положении дел, а его связи в польском обществе давали ему возможность получать соответствующие сведения. К тому же не прослеживается воздействие на нунция каких-либо факторов, которые побуждали бы его исказить полученную информацию.

Уже вскоре после бегства короля Генриха Валуа во Францию 3 августа 1574 г. нунций сообщал в Ватикан, что есть мнение, что «la maggior parte del popolo» может договориться с «Московитом». В связи с этим нунций отправил в Ватикан характеристику Ивана IV, о котором он, по-видимому, ранее ничего не знал [3. Р. 76]. В этом тексте ничего не говорится о причинах такого отношения шляхты к Ивану IV, но этот пробел был скоро восполнен. Уже 16 августа 1574 г. нунций сообщал, что «gran numero di cavalli» (так в источниках обозначались простые члены дворянского сословия и так проясняется о настроениях какого «народа» он писал ранее) выступают в пользу «Московита» «per sbigottire le persone potenti i principali». Таким образом, с помощью русского монарха «всадники» рассчитывали подорвать власть и влияние аристократии в стране [3. Р. 79]. Такие оценки повторялись затем неоднократно вместе с констатацией, что такая позиция польского дворянства (la nobilta polacca) создает «большие трудности» в деле избрания на польский трон одного из Габсбургов, чего бы желали и нунций, и папская курия [3. Р. 142, 196, 198]. После наблюдений над столкновениями, происходившими на Стенжицком съезде и завершившимися разрывом между прибывшей на съезд шляхтой и сенаторами, нунций констатировал, что «гранды» — вельможи — не хотят «никоим образом» избрания Ивана IV, а «nobilta minuta» желает его избрания, рассчитывая с его помощью освободиться от власти «грандов». По его оценке, особенно много сторонников этого кандидата были в «Russia» — под этим

термином здесь, вероятно, имеются в виду восточнославянские земли в составе Польского королевства. В одном из донесений он отметил, что родственник архиепископа гнезненского холмский шляхтич П. Уханьский и другие многие его родственники расположены к «Московиту» «*per esser ruteni*» (так как они русские) [3. Р. 238, 245, 260–261]¹.

На Стенжицком съезде присутствовал русский гонец Ф. Ельчанинов. Как отметил С. Ожельский, от него ожидали условий, которые Иван IV предложит польской шляхте, и его слушали с большим вниманием, так как «хотели таких предложений от Великого князя московского больше, чем от кого-либо другого из кандидатов» [2. Т. II. S. 112–113]. Однако никаких таких предложений царская грамота не содержала. Как известно, затем гонца посетили посланцы от шляхты, вручившие ему образцы грамот, которые Ивану IV, как кандидату на польский трон, следовало направить Речи Посполитой, сенаторам и шляхте [1. С. 104–106]. Этот шаг лучше, чем что-либо другое, показывает, что и после съезда в Стенжице шляхта продолжала поддерживать кандидатуру Ивана IV.

К осени 1575 г. нунций убедился в силе и влиянии этой «партии». Уже 16 августа он сообщал в Рим, что «*tutta la nobilta polacca minuta, cosi polaca, come lituana*» желает избрания царя, чтобы избавиться от власти «грандов». 16 сентября он повторил эту оценку [3. Р. 245, 250]. К этому времени нунций убедился, что дело не ограничилось одними словами, и в Россию был направлен шляхтич С. Граевский с письмами от «*alkui signori Polacchi, co si Russi*» [3. Р. 245]. Граевский, как известно, по выезде из России был арестован в Великом княжестве и заключен в тюрьму в Вильно. На съезде в Стенжице, по свидетельству С. Ожельского, собравшаяся шляхта требовала от литовских сенаторов освобождения Граевского, который, как было известно, вез полякам изложение условий, предлагавшихся Иваном IV [2. Т. II. S. 115–116, 150]. Отсутствие у шляхты таких условий было одной из причин того, что решение вопроса об избрании нового монарха было отложено. Но это ведь можно было исправить. 10 октября 1575 г. нунций писал в Рим, что если выборы будут отложены до мая, то царь сможет своевременно прислать послов (очевидно, со своими предложениями) и сможет рассчитывать быть избранным, несмотря на оппозицию большей части «грандов» [3. Р. 257]. Чтобы убедить такого монарха подчиниться власти папы, нунций советовал дать Ивану IV титул «константинопольского императора», а архиепископа (гнезненского?) сделать константинопольским патриархом, чтобы «коронация была более торжественной» [3. Р. 257].

Эти весьма необычные в устах папского дипломата заявления, пожалуй, являются наиболее убедительным свидетельством силы и влияния сторонников избрания Ивана IV осенью 1575 г. Острым беспокойством было проникнуто донесение нунция от 15 ноября, написанное тогда, когда уже собрался сейм для выборов нового монарха. Он опасался, что сторонники царя — «*nobili minogi*» попытаются провести выборы, не считаясь с мнением сената. Между тем позиции противников этого кандидата оказывались непрочными. Нунций находился в Варшаве, в Мазовии, где была единственная крупная группировка польской шляхты, которая могла бы поддерживать кандидатуру Габсбурга. И вот оказалось, что и «*questa provincial [...] e inclinata al Moscovito*». В такой

¹ Характерно, что религиозный аспект, прежде всего интересовавший нунция, в этих сообщениях совсем отсутствует, очевидно, кандидатуру Ивана IV дружно поддерживала шляхта разных конфессий. По неоднократным утверждениям нунция, сторонников этого кандидата определял, прежде всего, общий социальный статус.

ситуации глава католической церкви — архиепископ гнезненский дал понять, что, возможно, ему придется «номинавать» на трон Ивана IV, что вызвало резкую реакцию нунция [3. Р. 277, 279, 282].

В самом начале выборов, когда имели место выступления иностранных послов, поддерживающих своих кандидатов, на место заседаний прибыл русский гонец С. Бастанов. Шляхта, по свидетельству Ожельского, хотела прежде всего выслушать его, рассчитывая узнать условия, которые предлагает царь. В грамоте, однако, говорилось лишь о желании царя направить посланника, «а с ним приказати о своих делах». В грамоте ничего не говорилось о намерении Ивана добиваться польской короны [2. Т. II. S. 211–212] (о грамоте см. [1. С. 106]). Все это было, конечно, ударом по ожиданиям шляхты. Узнав об этом, папский нунций выражал надежду, что теперь «*gran parte delle nobilta*» перестанет поддерживать кандидатуру царя [3. Р. 285].

Обращение к записям Ожельского о том, как голосовала шляхта, показывает, что со своим заключением нунций поторопился. Многочисленные записи Ожельского, фиксирующие позиции разных группировок шляхты на разных этапах голосования, позволяют судить о круге сторонников монарха в границах Польского королевства².

Под 23 ноября Ожельский отметил, что шляхта Краковского воеводства во главе с С. Шафранцем поддерживала кандидатуру Ивана IV и добивалась освобождения Граевского [2. Т. II. S. 245]. Такой позиции шляхта Краковского воеводства придерживалась и в начале декабря [2. Т. II. S. 326]. Таким образом, одна из наиболее активных и влиятельных фракций дворянского сословия Польского королевства последовательно выступала на выборах за избрание Ивана IV. Вместе с ней на заключительном этапе голосования выступала шляхта Сandomирского воеводства, а голоса третьего малопольского воеводства — Люблинского разделились между Иваном IV и местным уроженцем — Пястом [2. Т. II. S. 326]. Таким образом, большая часть избирателей с территории такого региона, как Малая Польша, выступала в поддержку московского кандидата. Очевидно, что шляхта Великой Польши не поддерживала так активно кандидатуру Ивана IV, как малопольяне, но, по свидетельству великополянина Ожельского, когда в ходе выборов усилились разногласия между шляхтой и большей частью духовных и светских сенаторов, поддерживавших кандидатуру Габсбурга, шляхта Познанского и Калишского воеводств вместе с краковянами предложила избрать Ивана IV, «*jako środek pojednawczy*» (как способ соединения) [2. Т. II. S. 313]. Относительно еще одного воеводства — Ленчицкого Ожельский отметил заявление его шляхты 23 ноября, что первоначально они были намерены «единомысленно» голосовать за Ивана IV, но теперь поддерживают кандидатуру Пяста [2. Т. II. S. 258]. Такая смена позиции была характерна не только для ленчицкой шляхты и в определенной степени закономерна в условиях, когда предвыборная борьба усиливалась, а от Ивана IV не поступало конкретных предложений. За избрание Ивана IV выступала и часть мазовецкой шляхты [2. Т. II. S. 278].

От имени шляхты южных земель Короны — Русского, Белзского воеводств и Подолии выступил в будущем крупный государственный деятель Ян Замойский. Он также заявил, что они были намерены «единомысленно» голосовать

² Среди литовской шляхты были также сторонники избрания Ивана IV, но враждебные царю литовские магнаты сумели подчинить своему жесткому руководству представителей литовской шляхты на выборах.

за Ивана IV, но теперь будут поддерживать кандидатуру Пяста [2. Т. II. S. 259]. К этому следует добавить, что через несколько дней, 27 ноября, холмский шляхтич Павел Уханьский выступил от имени одно из этих воеводств — Белзского в поддержку кандидатуры Ивана IV [2. Т. II. S. 286].

Все это показывает правильность общих оценок нунция, утверждавшего, что польская шляхта перед началом выборов в своей основной массе поддерживала кандидатуру Ивана IV.

В 70-е годы XVI в. в состав Польского королевства входил и ряд восточнославянских земель, оторванных от Великого княжества Литовского по Люблинской унии 1569 г. Шляхта одной из этих территорий — Подляшья 23 ноября подала участникам съезда письменное обращение с предложением кандидатуры Ивана IV [2. Т. II. S. 272]. 27 ноября за выбор Ивана IV выступила шляхта Волини [2. Т. II. S. 276]. Позднее они стали поддерживать кандидатуру Пяста [2. Т. II. S. 311]. Шляхтичи Киевской земли прибыли позже других участников съезда, на заключительном этапе голосования они также отдали голоса за Ивана IV [2. Т. II. S. 326].

Таким образом, есть основания утверждать, что перед созывом элекционного сейма осенью 1575 г. очень значительная часть дворянства Польского королевства — разной этнической принадлежности и разных конфессий — хотела бы видеть на польском троне Ивана Грозного. Как видно из записей Ожельского, очень сильные в начале выборов позиции «промосковского» лагеря были серьезно ослаблены, и его сторонники начинали поддерживать кандидатуру местного уроженца — Пяста. Как отметил Ожельский, в грамоте Ивана IV, зачитанной дворянам — участникам съезда, не только не излагалось каких-либо условий соглашения, но и не говорилось о желании Ивана IV вступить на польский трон [2. Т. II. S. 212]. Между тем на рубеже 1575–1576 гг. резко обозначился конфликт между шляхтой и духовными и светскими сенаторами, попытавшимися вопреки желанию шляхты провозгласить королем императора Максимилиана II Габсбурга. В этих условиях для шляхты оказалось необходимым срочно избрать кандидата, который бы смог быстро оказать отпор Габсбургу и его польским сторонникам. Первоначально предполагали, что таким правителем может стать местный уроженец Пяст, но, когда выбранные шляхтой кандидаты отказались от такой чести, было принято решение об избрании такого противника Габсбургов, как трансильванский воевода Стефан Баторий.

Хотя тем самым вопрос об избрании Ивана IV на польский трон как будто утратил актуальность, нунций в январе 1577 г. сообщал в Рим, что в Польше в большом количестве имеются недовольные сторонники Ивана IV [3. Р. 497]³. Отзыв этот, конечно, достаточно общий и неясный, но, даже оставив его в стороне, есть все основания констатировать, что осенью 1575 г. широкие круги дворянства в разных регионах Польского королевства были серьезно настроены предложить польский трон Ивану IV.

Такая ориентация заслуживает тем большего внимания, что налицо было действие целого ряда факторов, которые побуждали это дворянство занять иную позицию. Первым среди них следует назвать османскую угрозу. После отъезда из Польши короля Генриха Валуа — представителя дружественной Османской империи Франции, османское правительство было серьезно

³ По оценке того же автора, в Великом княжестве Ивана IV хотят поддержать «nobilita bassa» и «народ», и следует опасаться народного восстания «in favore del detto Mosco» (см. депешу от 23 сентября 1577 г.). [3. Р. 606].

озабочено судьбой польского трона. В Стамбуле не хотели допустить образования у своих северных границ антиосманской коалиции. Когда в Стамбул в январе 1575 г. прибыл посланец Речи Посполитой А. Тарановский, здесь были обеспокоены слухами, что поляки хотят предложить свой трон Ивану IV. В связи с этим Тарановский получил адресованное сенаторам послание великого везира Мехмеда Соколовича, в котором говорилось, что в случае избрания царя мир между государствами будет разорван (см. изложение отчета А. Тарановского [2. Т. II. S. 101 i in]). 19 мая 1575 г. на Стенжицком съезде грамота великого везира была передана сенаторам [2. Т. II. S. 98], а 27 мая пришли сообщения подольского воеводы М. Мелецкого о подготовке к войне наместников пограничных округов Османской империи [2. Т. II. S. 120]. И дело не ограничилось угрозами и военными демонстрациями. В сентябре 1575 г. незадолго до производства выборов произошел большой военный набег на южные области Речи Посполитой. Согласно подробному рассказу Ожельского, в походе участвовали четыре сына хана, Белгородская и Ногайская орды и даже черкесы. Нападавшие разорили Волынь и Русское воеводство, дойдя почти до Львова. В полон было угнано 35 тыс. человек [2. Т. II. S. 174–176]⁴.

Все это было веским предупреждением, что будет происходить с Речью Посполитой, если она не станет следовать советам из Стамбула. Не случайно одновременно с походом великий везир отправил грамоту подольскому воеводе, в которой повторялись советы, содержащиеся в грамоте, врученной Тарановскому [2. S. 182]. В результате, по свидетельству хрониста, «страх огромный напал на всю Малую Польшу» [2. Т. II. S. 177]. Произвело это впечатление и на некоторых местных политиков. Так, сандомирский воевода Ян Костка, сын одного из лидеров шляхетского лагеря, говорил в декабре 1575 г. на элекционном сейме, что Ивана IV нельзя выбирать, так как это «самый большой враг турок, а татары так ожесточены против него», что даже могут отказаться от дани, которая поступает из Польши, только бы Иван не стал польским королем [2. Т. II. S. 313]. Подробные сообщения в хронике видного политика шляхетского лагеря Ожельского показывают, что налицо ясное понимание серьезных проблем, связанных с ростом османской опасности.

В таком современном событиям источнике, как обращение шляхтичей, избравших Батория, ко всему дворянскому сословию, их отказ избрать Габсбурга обосновывался прежде всего тем, что в этом случае «*mollem belli cesarza tureckiego na Koronę zarasbyśmy wciągnęli*» (сразу навлекли бы груз войны турецкого императора на Корону) [4. S. 137].

Однако, как видно из приведенных выше свидетельств, во время выборов осенью-зимой 1575 г. и шляхта Малой Польши, и шляхта «русских» воеводств Короны, подвергшихся нападению, поддерживала на выборах кандидатуру Ивана IV.

Объяснению такого феномена может способствовать анализ некоторых особенностей той характеристики Ивана IV, которую папский нунций отправил в Рим в августе 1574 г. В ней не только отмечалось, что Иван IV — «наследственный враг» турок, но и констатировалось, что он очень опытен в военном деле и одержал многие победы [3. Р. 76]. Эти сведения нунций явно почерпнул в среде, совсем не дружественной русскому монарху. Из памфлетов, появившихся в годы первого «бескоролья», видно, что в шляхетском обществе было известно и о покорении татарских ханств, и об организации в Русском

⁴ В конституции об избрании Батория отмечалось, что в результате нападений Русское воеводство «*malo nie do gruntu wyniszczone*» [4. S. 145].

государстве эффективной обороны южных границ от татарских набегов [5. S. 356, 375]. В этой связи высказывались надежды, что благодаря избранию русского монарха будет обеспечена эффективная защита южных границ Речи Посполитой, а это позволит превратить «подольские пустыни» в «освоенные земли», изгнать османов за Дунай и подчинить татарские орды верховной власти Речи Посполитой [5. S. 361, 375–376]. В публицистике времени первого «бескоролья» эта тема вовсе не доминировала, но важно, что в сознании части шляхты присутствовала высокая оценка военно-политических возможностей Русского государства.

В записи прений на элекционном сейме осенью 1575 г. Ожельским отмечено выступление члена знатного полоцкого рода Корсаков, что Иван IV «никого не боится, подданных своих прекрасно защищает» [2. Т. II. S. 277]. Часть собравшихся, по-видимому, вдохновляли планы победы над османами благодаря избранию Ивана IV и военно-политическому союзу между Россией и Речью Посполитой, но насколько широко они были распространены? Выступление Яна Костки, вероятно, не случайно отмеченное Ожельским, говорит о том, что более опытных и авторитетных политиков явно беспокоила перспектива борьбы с османской опасностью в случае избрания русского монарха. Надо отметить еще один важный фактор. В шляхетском лагере важную роль играли протестантские политики, а сам он в целом выступал за сохранение в стране межконфессионального мира⁵. Между тем репутация Ивана IV в этом плане должна была вызывать сомнения. Несомненно, внимание должна была привлечь его встреча с представителем «чешских братьев» Яном Рокитой, приехавшим в 1570 г. в Москву, чтобы предложить царю изложение их вероучения. В записке, сохранившейся среди бумаг папского нунция в Польше В. Портико, отмечено, что, ознакомившись с текстом, царь повелел Роките удалиться из его страны, так как «ты хуже иудея и ты посланец Антихриста» (цит. по [6. С. 35]). Точно это свидетельство подтверждают заключительные слова ответа царя на обращение Рокиты: «не токмо еретик еси, но и слуга Антихристов дьявольского совета» [6. С. 376]. В самом тексте все отклонения от традиционного вероучения и традиционной обрядности последовательно рассматривались как результат воздействия дьявольских сил. Ответ, как известно, получил распространение — был переведен на польский и на латынь. Латинский текст был издан в 1582 г.

Следует отметить в этой связи некоторые особенности той характеристики Ивана IV, которую нунций отправил в Ватикан в августе 1574 г. В ней, как уже отмечалось, недавно приехавший в Польшу нунций передавал то, что слышал от польских собеседников. В ней отмечалось, что Иван IV — наследственный враг (*nemico nato*) не только турок, но и всех еретиков [3. Р. 76]. В своем ответе посланцу литовских магнатов Гарабурде царь подчеркивал свое право «ставить» каменные и деревянные церкви «в замках и дворах» «митрополита и владык [...] чтити по нашему обычаю» [7. S. 241]. Пересказывая это сообщение, протестант Ожельский с неудовольствием отметил, что Иван IV и его преемники «*nie zmienia religii, zachowaja porów*» (не сменяют религии, сохраняют попов) [2. Т. I. S. 92].

По-видимому, именно пристрастие Ивана IV к традиционным представлениям о церкви вызывало у папского нунция надежды, что в случае его

⁵ Это было одно из важных условий, предложенных шляхтой Стефану Баторию.

избрания будет не так трудно (*non sarebbe troppo difficile*) добиться его подчинения власти папы [3. Р. 257].

Игравшие видную роль в шляхетском лагере протестантские политики, несомненно, должны были учитывать эту сторону дела, но это не побудило их отказаться от поддержки «московского» кандидата. Как видно из приведенных выше свидетельств, именно шляхта малопольских воеводств — одного из главных очагов протестантского движения в Польском королевстве — особенно упорно поддерживала кандидатуру Ивана IV.

Наконец, следует отметить сформировавшееся в Польше представление о характере власти русских правителей вообще и о характере власти самого Ивана IV.

Уже в исторических сочинениях Матвея Меховского и Иоста Людвика Деция, увидевших свет в первые десятилетия XVI в., говорилось о «тиранической» власти русских правителей, а само русское правление сопоставлялось с турецким. На эту картину накладывались сообщения о репрессиях самого Ивана IV по отношению к его подданным. Об этом неоднократно говорилось в самых резких выражениях в публичных выступлениях польской власти. Ярким примером может служить обращение короля Сигизмунда II к участникам польского сейма 1563 г. В нем выражалась надежда, что, когда королевское войско появится на русской территории, «много бояр московских, много благородных воевод, притесненных тиранством этого изверга, добровольно будут приставать к его королевской милости» (цит. по [8. S. 85]). В речи известного публициста А. Чешельского, опубликованной перед сеймом 1572 г., говорилось об Иване IV как о настоящем «тиране» [5. S. 137–139]. Кроме того, как показывали результаты переговоров 1572–1573 гг., Иван IV добивался предоставления наследственной власти в Польско-Литовском государстве ему и его потомкам. Публичное сообщение об этом было зачитано на сейме 20 апреля 1573 г. [2. Т. I. S. 92]. Между тем право выбора монарха было одной из главных «вольностей» польской шляхты. Как отметил позднее польский хронист М. Бельский: когда это услышали, «отпало у всех сердце от московского» [9. S. 131].

К осени 1575 г. Иван IV не отказался от своих предложений, а об особенно-стях его власти сохранялось сложившееся в более ранние годы представление. В находящейся в труде С. Ожельского записи выступления такого популярного оратора шляхетского лагеря, как Ян Замойский, говорится о том, что Иван IV убивает людей без вызова в суд и «карал» новгородцев [2. Т. II. S. 265], но несмотря на это перед началом голосования Ян Замойский поддерживал кандидатуру Ивана IV.

Вопрос о «тирании» Ивана IV занял заметное место в польской публицистике в годы первого «бескоролевья». Мнения высказывались разные. Одни публицисты писали о «прирожденной» жестокости Ивана IV и помещали в своих текстах описания казней. Его выбор опасен для польских «вольностей» [5. S. 55, 405, 408, 425, 445–446]. Другие предлагали при избрании поставить Ивану IV такие условия, чтобы он «жестоким тираном быть не мог» [5. S. 403]. Наконец, шляхтич Калишского воеводства Петр Мышельский в своем памфлете 1572 г., подчеркивая высокие достоинства Ивана IV как государственного деятеля, утверждал, что царь «тирании же своей не обращает против добрых своих подданных [...] но только против изменников своих и своего государства», и выражал надежду, что, став королем, Иван IV и в Польше сумеет

добиться «быстрого и неотложного оказания справедливости и прекращения насилий, наездов и убийств и других зол» [5. S. 377–378]⁶.

Все это показывает, что и личность Ивана IV, и характер его власти, и возможные последствия его контактов с польским обществом были предметом живого обсуждения, и до однозначной оценки было далеко.

Одни и те же факты могли пониматься и оцениваться по-разному. Характерно, что слова Яна Замойского о жестокостях Ивана IV сопровождалось комментарием, что и другие правители совершают такие же и более жестокие деяния, а сам отказ от поддержки кандидатуры Ивана IV он объяснял тем, что Иван IV «мало отличается от Пяста и представляет такие же выгоды, как местный уроженец» [2. Т. I. S. 264].

Как бы то ни было, если не рядовые шляхтичи, то опытные политики, стоявшие во главе дворянских объединений, должны были отдавать себе отчет в том, что избрание Ивана IV на польский трон может привести к появлению ряда важных проблем и в международной, и во внешнеполитической сфере, и несмотря на это очень значительная часть дворянства Польского королевства выступила за то, чтобы вступить в переговоры с Иваном IV о судьбе польского трона. Такой опытный наблюдатель, как папский нунций, очень четко объяснил причину этого феномена: с помощью русского монарха широкие круги дворянства были намерены подорвать мощь и влияние местной аристократии.

Соответствующий конфликт назревал постепенно и принял четкие формы с формированием к середине XVI в. дворянского движения за «экзекуцию прав» и «экзекуцию добр». «Экзекуция добр» предусматривала возвращение государству государственных земель — «королевщин», разными способами присвоенных представителями знати, чтобы с них в государственную казну поступали доходы для обслуживания государственных нужд. «Экзекуция прав» предполагала и расширение полномочий органов дворянского самоуправления в сфере государственного управления и суда, и установление контроля со стороны дворянских корпораций за деятельностью представителей аристократии, занимавших государственные посты. Так, важное место должен был занять институт «инстигаторов» — выборных представителей дворянских объединений, которые осуществляли бы контроль за деятельностью воевод, каштелянов и других чиновников (см. об этом [10]).

Попытки проведения таких реформ привели к обострению противоречий между разными слоями дворянского сословия. В начале 60-х годов XVI в. в дворянской среде говорили: «пока панов этих не посечем, которые нам вольность исказили и мешают исправлению, которые мы экзекуцией зовем, в Польше ничего доброго ожидать не следует» (цит. по [11. S. 407]). На собравшемся для проведения реформ сейме охваченные гневом послы едва не подняли свои мечи против сенаторов [12. S. 98]. Как сообщали прусскому герцогу его послы, обсуждались планы созыва шляхтой «рокоша в поле», чтобы силой сломить сопротивление сенаторов. Дворянские послы побуждали шляхтичей, находящихся на службе у панов, оставить их и присоединиться к дворянскому войску [13. S. 80].

Благодаря энергичным выступлениям дворянства в 60-е годы XVI в. был проведен ряд важных реформ. Значительная часть заложенных магнатам земель была возвращена государству и описана, но не все задуманные планы

⁶ О мнениях авторов разных памфлетов см. подробнее [1. С. 76–82, 86–87].

удалось реализовать. Так, закончилась неудачей попытка создания института «инстигаторов».

С избранием на польский трон и приездом в Польшу Генриха Валуа наступила аристократическая реакция. Незнакомый с положением дел французский принц, стремясь создать себе опору в стране, раздавал представителям знати земли и доходы, что стало вызывать в дворянской среде недовольство и возмущение поведением сенаторов, добивавшихся таких пожалований и присваивавших доходы с находившихся в их держании земель [12. S. 102–104, 206–207]. Огромные размеры пожалований⁷ привели к опустошению государственной казны и росту долгов. Уже по окончании второго «бескоролья» 10 мая 1577 г. папский нунций писал, что казна пуста и король стоит перед необходимостью новой «экзекуции добр», так как прежняя не осуществлена (*non mai condatta in effetto*) [3. P. 551].

Так же положение дел оценивали и польские современники, делая при этом некоторые важные выводы. В одном из памфлетов этого времени на вопрос, откуда в таком положении можно было бы получить доходы, последовал ответ: «*trzeba nowej egzekucyjej, a srozszej, niz byla niedawno, a bodaj nie moskiewskiej*», что требуется проведение новой «экзекуции», более «строгой», чем первая, если не «московской» [5. S. 650–651]. Нельзя не видеть в этих словах определенной реакции на конфискации земель знати в годы опричнины вместе с надеждами, что с помощью русского монарха удастся осуществить нечто подобное в Польше.

Недовольство дворянства дополнительно усиливал отказ короля и сената согласиться на введение института 16 выборных дворянских представителей, которые постоянно находились бы при особе короля (см. об этом [2. Т. I. S. 257]).

Характерно, что уже на Варшавской конвокации, созванной в августе 1574 г., дворянские представители настаивали, чтобы сенат без их участия не распоряжался королевскими доходами и требовали расследования, которое установило бы имена тех, кто вызывает «раздоры» в Речи Посполитой [2. Т. II. S. 14]. Когда сенат стал препятствовать проведению расследования, дворянские послы решили провести расследование собственными силами, чтобы подвергнуть виновных смертной казни [2. Т. II. S. 25]. Для ситуации, сложившейся к маю 1575 г., стало характерным обращение одного из руководителей дворянского движения (и сторонника кандидатуры Ивана IV) С. Шафранца к шляхтичам, которые находятся на службе у магнатов, чтобы они «поставили свою свободу и права над властью панов своих» [2. Т. II. S. 152].

Таковы некоторые черты той достаточно необычной ситуации, когда на некоторое время Иван IV стал одним из главных кандидатов польской шляхты на польский трон. Понятно, что по весьма серьезным и объективным причинам стороны не смогли бы договориться, и Иван IV, по-видимому, понимая это, не делал попыток искать соглашения со своими сторонниками, но эпизод этот представляет интерес в двух отношениях.

Во-первых, готовность, несмотря на имеющиеся проблемы, призвать Ивана IV на опустевший польский трон говорит о большом ожесточении в ходе конфликта, о готовности прибегнуть к суровым, даже жестоким мерам, чтобы сломить власть и могущество аристократии. Это говорит об определенной сплоченности и решительности дворянских политиков в деле отстаивания

⁷ По оценке С. Ожельского, король давал пожалования «без меры» [2. Т. II. S. 250].

своих интересов. К сожалению, в личности трансильванского воеводы Стефана Батория они не нашли подходящего партнера для осуществления своих планов.

Во-вторых, этот эпизод заставляет вернуться к вопросу, который живо обсуждается в научной литературе, — об образе России в европейском общественном сознании в XVI в. В книге петербургского исследователя А.И. Филюшкина [14] собран богатый материал о формировании в европейском общественном мнении отрицательного образа России в этом столетии. Как известно, в формировании такого образа активно участвовала официальная польская публицистика. Рассмотренный материал показывает, что не все было так однозначно. Заслуживает внимания положительная характеристика Ивана IV, составленная папским нунцием по рассказам его польских современников. Следовательно, рядом с главным течением, рассмотренным А.И. Филюшкиным, функционировали и другие традиции, следы которых, вероятно, также следует искать и исследовать. Как представляется, при наличии лишь одной последовательно отрицательной традиции вопрос о выборе Ивана IV не мог бы серьезно обсуждаться. Кроме того, одни и те же факты в разных исторических ситуациях могли восприниматься по-разному. Есть основания полагать, что в Польше было известно о казнях Иваном IV аристократов и конфискации их владений. Написанное по инспирации литовских магнатов в 1571 г. известное сочинение А. Шлихтинга вряд ли оставалось неизвестным польским читателям. Однако в обстановке острого конфликта между аристократией и широкими кругами дворянства подобные факты могли восприниматься в пользу русского монарха, который мог бы провести «строгую» «эзекуцию добр» в Польском королевстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978. Гл. III—V.
2. *Orzelski S.* Bezkrólewia ksiąg ósmioro czyli Dzieje Polski od zgonu Zygmunta Augusta r. 1572 aż do r. 1576. SPb.; Mohilew, 1856. Т. I—II.
3. *Laureo W.* Éveque de Mondovi nonce apostolique en Pologne 1574—1578 et ses de pêches inedites au cardinal de Côme. Varsovie, 1887.
4. *Volumina leguum.* Spb., 1859. Т. II.
5. *Czubek J.* Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. Kraków, 1906.
6. *Марчалис Н.* Лютор иже лют. Прение о вере царя Ивана Грозного с пастором Рокитой. М., 2009.
7. *Historica Russiae Monumenta.* SPb., 1841. Т. I.
8. *Piawski K.* Niedoszła wyprawa. T. Zw. Radoszkowicka // Ateneum wileńskie. Wilno, 1928. Z. 1.
9. *Bielski M.* Kronika polska. Sanok, 1856. Т. 3.
10. *Sucheni-Grabowska F.* Walka o demokrację szlachecką // Polska w epoce odrodzenia. Państwo — społeczeństwo — kultura. Warszawa, 1970.
11. *Sucheni-Grabowska F.* Zygmunt August — król i wielki książę litowski 1520—1562. Warszawa, 1996.
12. *Pałucki W.* Drogi i bezdroża skarbowości polskiej XVI w. pierwszej połowy XVI wieku. Wrocław etc. 1974.
13. *Dembńska A.* Polityczna walka o egzekucję dobr królewskich w latach 1559—1564. Warszawa, 1935.
14. *Филюшкин А.И.* Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков. СПб., 2013.